

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПО МОИМ ПРАВИЛАМ

МАРИЯ ЛЕТОВА

Мария Летова

По моим правилам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67861230

SelfPub; 2023

Аннотация

Артём умен, успешен и богат. Ему тридцать пять. Весь мир у его ног, он шёл к этому всю жизнь. Его спутница – модель, он там, где рассчитывал быть. Но ничто не подготовило мужчину к тому, что провинциальная мать-одиночка по имени Настя покажет, что значит любить по-настоящему. Безумно, бескомпромиссно и навсегда. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Артем	4
Глава 2. Настя	16
Глава 3. Артем	27
Глава 4. Настя	31
Глава 5. Артем	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мария Летова

По моим правилам

Глава 1. Артем

Бывают в жизни человека такие дни, когда все меняется. Меняется навсегда.

Вроде того пресловутого дня, после которого жизнь начинает делиться на «до» и «после». Вообще-то, такой день в моей жизни уже наступил – семь лет назад, когда отец познакомил с человеком, направившим мою энергию прямиком в политику, а из нее, как известно, по доброй воле мало кто уходит. К тому времени я наивно полагал, будто меня в этой жизни уже ничем не удивить, но ошибался.

Тру лицо ладонями, понятия не имея, с чего вдруг расфилософствовался.

Я хочу спать.

Спать – и больше ничего.

Я уже четыре дня нахожусь в непрерывном движении.

Утром вернулся в Москву из Омска, потом заехал домой на пару часов и сразу вылетел в *регион*. По прилете меня встретила машина и долгая поездка. Это привычный для меня график. Я не был в отпуске три года, и меня не ломает. Хватает трех дней где-нибудь на побережье Италии, чтобы

насытиться праздностью. Мои мозговые процессы не замедляются, даже если мне самому хочется их притормозить. Это способствует карьере, но мешает здоровому сну.

Иногда меня спасают секс и тренировки, но я все равно сплю четыре часа в сутки, в лучшем случае шесть. Но именно сегодня меня валит. Возможно, я достиг своего предела. Теперь я знаю, где он у меня находится.

Как меня занесло в эту жопу мира?

Смотрю в окно и прошу Максима врубить кондей на полную.

Ослабляю галстук.

Зачем я вообще его надевал? Надевал, потому что еду записывать интервью для местного телевидения.

Наблюдаю за пейзажем, и никаких эмоций.

Тут хоть люди водятся? Гуси, лебеди, собаки есть. А люди? По грунтовке уже как будто час тащимся.

Я – это Артем Иноземцев. Тридцать шесть лет. Профессия – политик.

Не далее как три дня назад мне предложили занять пост главы *региона*.

Зачем мне это?

Я обеспеченный человек и мог бы уже сейчас эмигрировать на Лазурный берег, чтобы жить там в свое удовольствие.

Так зачем мне это?

Потому что лучший спорт – это дело. Я не могу просто выключить свою башку или предложить ей заняться творче-

ством. Это так не работает.

Почему этот *регион*?

Мне предложили и. о., потому что у меня есть связи и потому что я готов работать и соблюдать правила.

Так вышло, что мой отец в далеком восьмидесятом служил в Афганистане с одним очень влиятельным человеком. Совместно понюхав пороха, они стали друзьями не разлей вода. Звучит цинично, но я вообще человек прагматичный. Но благодарный. Обоих этих вояк я уважаю и ценю.

Постоянно куда-то двигаться и развиваться – это моя официальная жизненная философия, поэтому я согласился принять тяжесть венца в *регионе*. К этому венцу я не стремился, но попробовать готов, и уже выписал охрану из Первопрестольной. Они нагонят меня чуть позже. Я планировал вернуться в Москву через пару дней, чтобы собрать вещи, но теперь кто знает, как тут все получится.

Я бездетный холостяк, и это тоже способствует карьере. Хотя Аня сказала бы, что я бездушная хладнокровная сволочь. Здесь нужно учитывать, что ее оценка моих личных качеств окрашена многолетними обидами и взаимным непониманием. Мы уже три года «вместе».

Аня – Мисс Москва в недалеком прошлом. Не знаю, кто оплачивал ей то мероприятие, меня ее прошлое никогда не интересовало.

Любовница-модель – это банальщина, согласен.

Но у нее прекрасное, ухоженное тело. Трахать такое одно

удовольствие. К тому же она умная и послушная. Два года назад ей захотелось медийности, и она получила свое шоу на развлекательном телеканале.

И я после этого плохой?

Как ни странно, я сплю только с ней. Не считаю это каким-то подвигом, просто измены – это лишняя трата времени и энергии. К тому же с возрастом начинаешь ценить качество, а не количество. С Аней у нас накатанный сценарий, и меня все устраивает. Мы с ней живем по моим правилам.

У нас случались разногласия. В прошлом квартале Аня перегибала со скандалами, сути и причин которых я не понимал. Когда же она наконец озвучила, чего ей надо, прямым текстом, а не полунамеками, я был искренне удивлен. Она хотела «кольца».

Честно говоря, не представляю, зачем нам узаконивание отношений. Что это изменит?

Мы будем трахаться не три раза в неделю, а один? Кажется, так это работает?

Я скотина? Возможно.

Но я целый день вращаюсь в адской карусели, и, если меня начнет изводить моя собственная телка, разговор у нас будет короткий.

Откидываю голову на сиденье и присматриваюсь к пейзажу.

Глаз не закрываю, так как сразу отрублюсь.

Пялюсь на холмы и далекие горные вершины. Это очень

красиво, несмотря на то, что я избалован красивыми видами.

В *регионе* бывал студентом. Воспоминания радужные. Тройная «М». Молодость, море и Массандра. Хотя я только что допустил крайнюю несправедливость к Свете Ф., моей сокурснице. Нужно бы отметить четвертую «М», потому что после Массандры я получил свой первый в жизни минет.

Снимаю блокировку с телефона и изучаю информацию, которую прислала Альбина. Альбина – моя помощница, и она феномен. Если прямо сейчас я велю ей раздобыть мне кофе, она это сделает. Быстро и удаленно из Москвы. Ее навыки порой восхищают даже меня.

Максим притормаживает на выезде из какой-то деревни. Или поселка. Как называется населенный пункт, в котором центральная улица выложена щебенкой?

Вот и я о том же.

Дорога уходит за холм. С виду она непроходимая, но я не эксперт. Самолично за рулем машины я бываю не чаще пары – тройки раз в год.

– Чего там? – спрашиваю у шофера.

Максим – это водитель, которого мне отрядили вместе с машиной. Паренек лет двадцати. Молчаливый и исполнительный. То что нужно.

– Да не знаю, Артем Андреевич, навигатор показывает дальше, но я что-то сомневаюсь, – отвечает он, тыча пальцем во встроенный дисплей. – Нужно спросить у кого-нибудь.

П-ф-ф...

У кого? У кур?

Вздыхаю и выхожу из машины. Все-таки из самого города М сюда еду, уже жопа квадратная. Снимаю пиджак и закидываю его в машину. Закатываю рукава рубашки.

Конец октября уже, чего так жарко-то?

Осматриваюсь.

Максим тоже выходит из машины, в надежде увидеть случайного прохожего. Тут таких не водится.

Что меня сюда привело?

Разумеется, скандал.

Один из «отцов» *региона* решил строить лаунж-отель с открытым бассейном на крыше и видом на местный заповедник. Земля, которую выбрали под застройку, принадлежит заповеднику, но менталитет российского бизнесмена велит чхать на букву закона и голос совести, поэтому мнением дирекции богоугодного заведения никто не поинтересовался.

Итог – заповедник бастует, в городе М пикеты против «воров и преступников».

И вот я здесь.

Единственное, чего сегодня не ожидал, так это того, что нам придется забраться в такие запердя. Целесообразность этой поездки тает на глазах.

Кладу руки на пояс и оглядываюсь. Щурюсь, потому что для комфортной жизни здесь мне понадобятся солнцезащитные очки. А лучше целая коллекция.

И тут, что удивительно, на дороге появляется ребенок.

Мальчик, с виду дошколенок. Идет со стороны холма. Видимо, уже давно, просто он такой маленький, что мы его не сразу заметили.

Чего это он тут один делает?

Одет прилично, на голове шапка-гондонка. Фиолетовая. На таком постреленке выглядит забавно. Станный выбор, мне кажется, сейчас градусов двадцать, не меньше. Плюс солнце печет. Хотя ветерок прохладный.

Он видит нас с Максимом и замедляет шаг, потом совсем останавливается метрах в пяти. Хлопает глазами и осматривает казенную «Тойоту».

Стоит.

Мы тоже стоим.

Видимо, людей на этой дороге нечасто встретишь, раз даже ребенок под впечатлением.

Кладу руки на пояс и спрашиваю:

– Ты откуда, парень?

Он переводит на меня спокойный задумчивый взгляд и игнорирует вопрос. Изучает меня с головы до ног.

– Как тебя зовут? – делаю еще одну попытку.

С полминуты покумекав, он выдает:

– Ванечка.

Я тоже задумываюсь. Не уверен, что мы можем позволить ему спокойно двигаться дальше. Наверное, нужно выяснить, что происходит.

Млин... вот только детей каких-то заблудших мне не хва-

тало.

Хочу подойти ближе, но на один мой шаг у него два назад. Выглядит забавно.

Вскидываю руки, как бы говоря «не бойсь».

– Ты куда идешь? – пытаюсь снова завести беседу.

У него такой взгляд серьезный. На крохотном лице это выглядит диковато. Он мне по колено. Ну, я как бы и сам не малого роста. Во мне метр восемьдесят семь. Не метр девяносто, конечно, но мне хватает.

Подхожу и опускаюсь на корточки.

– В... в... Москву... – пищит лилипут, упрямо сжав губы.

– Куда? – недоумеваю я.

– В Москву иду, – повторяет он, словно я тугодум.

Неожиданно.

– Давно идешь? – уточняю, чтобы понять, как далеко его дом.

Судя по ширине шагов, он не мог прийти издалека. Сейчас 08.45 утра. Вряд ли он вышел с ночи. По виду отдохнувший и умытый.

– Нет, – отвечает мальчик, опуская глаза долу.

– Так, – блин, я с детьми не очень, – где твоя мама?

Он оборачивается и прикладывает руку к глазам. Вглядывается в даль.

– Вон она... – говорит, тыча маленьким пальцем в горизонт.

Теперь замечаю, что там на дороге клубится облако пыли.

Это машина.

Ну, слава Богу!

Я что-то уже насытился ситуацией.

Тем не менее не могу не задаться вопросом, что там за мамаша, от которой дети убегают?

Сейчас узнаем.

Встаю.

Спустя минут пять вижу очертания белой Нивы. Она скачет по кочкам, не сбавляя скорости, как бешеный драндулет. Очевидно, это погоня.

Малой прячется за мою ногу. Он что, не в курсе, что незнакомцам лучше не доверяться?

Максим тоже подходит к нам, с любопытством смотря на «Ниву».

– Значит, есть там дорога все-таки, – констатирует мой водитель.

Спустя еще три минуты тачка оказывается в десяти метрах от нас и резко тормозит.

Водитель – женщина.

Ну, или девушка, черт знает. Выпрыгивает из машины, как ошпаренная. Взгляд бешеных зелено-карих глаз бессмысленно бежит по нам с Максимом и останавливается на пацане. Зрачки у нее такие расширенные, что радужки кажутся черными.

Не знаю, мамаша ли это, потому что они с пацаненком вообще не похожи. У нее лицо такое, будто она сейчас начнет

убивать.

— Быстро ко мне, — чеканит, стиснув зубы так, что кажется, они сейчас посыплутся.

Мне реально страшновато за мальчугана. Может, она психическая?

Волосы темные, собраны в бесформенный куль на макушке. Сверху желтый плотный дождевик, на ногах кроссы. Из воротника торчит край ночнушки, не иначе. Там рюши и бантики.

Ноги красивые. Женственные. Не худые, а рельефные. Коленки круглые, лодыжки узкие. И загорелые.

Забиваю на ноги незнакомки и перехожу к лицу, чтобы оценить степень ее вменяемости.

Симпатичное, но ничего особенного. Брови темные, нос чуток вздернутый, губы похожи на жопу дикобраза, так она их сжала. Цвет лица очень свежий, а кожа смугловата. Это может быть и загар, но мне кажется, это природный оттенок, судя по цвету волос.

Возраст определить трудно. Я бы дал от двадцати пяти до тридцати пяти. С этим феноменом я в последнее время сталкиваюсь часто. Вот что значит не работать в поле от зари до зари, между прополками рожая детей.

Я только «за».

Это круто, когда женщина хорошо выглядит.

На самом деле я не ожидал появления столь цивилизованного человека на этой дороге.

– Это ваш ребенок? – уточняю на всякий случай.

– В машину, – гаркает девица так, что я морщусь.

Мальчик дергается и отлепляется от моей ноги. Кладу руку ему на плечо и еще раз обращаюсь к этой истеричке:

– Вы ему кто?

Она как будто только сейчас замечает наше с Максом присутствие. Окидывает взглядом сначала его, потом меня. На мне задерживается чуть дольше. Знакомая ситуация. На меня все женщины смотрят дольше необходимого. Я готов с этим жить. Отличная генетика – это лучше, чем хер*вая.

– Убери от него руки, – орет она, подпрыгивая на месте и стискивая кулаки.

Психичка. Точно.

Мне кажется, лучше так и сделать. У нее, вполне возможно, в машине есть ружье или труп в багажнике.

– Ванечка, – обращаюсь к ребенку, не спуская глаз с незнакомки, – ты эту тетю знаешь?

– Да... – обреченно сообщает тот, делая робкий шаг ей навстречу.

И выглядит он так, будто идет на казнь. Снова кладу руку ему на плечо, а дальше...

Она подлетает ко мне и толкает в грудь. От неожиданности делаю шаг назад. Для такого маленького создания слишком много гнева. Она мне до плеча еле достает.

Выдергивает ребенка и тащит его к машине за шиворот.

– Убью, – сообщает ему попутно.

Если бы мы были в Европе, я бы вызвал полицию. В самом деле, от какой нормальной матери ребенок станет убегать? Откуда они вообще? Там, за этим холмом, есть жизнь?

И, хоть объективно все это могут быть обычные дела между матерью и ребенком, я предпочитаю полезть на рожон.

Сам не знаю почему.

Будто в адской карусели, в которой живу с тех пор, как разменял третий десяток, не хватает, блин, оборотов!

Будто мне, без пяти минут сорокалетнему мужику, в жизни не хватает долбанных аттракционов.

Дебил ли я?

Время покажет.

Глава 2. Настя

Запихиваю сына на заднее сиденье «Нивы» и холодно бросаю:

– Пристегнись!

Он тут же выполняет требование, закрепляя себя в детском кресле. Хлопаю дверью так, чтобы у него в ушах зазвенело.

Не знаю, зачем я потребовала пристегнуться. Нам до дома ехать тридцать секунд по проселочной дороге.

Я само олицетворение зла, так что заткнись и отвали, здравый смысл!

Погрузившись в себя и перебирая варианты предстоящей Ванечкиной казни, не замечаю, как рядом оказывается этот амбал.

Хватает меня за руку и отталкивает от машины.

Я в праведном негодовании.

– Отвали! – ору и пихаю его в ответ, затем повторяю еще раз: – Отвали!

Он такой здоровый! И красивый! Откуда он вообще тут взялся?!

– Притормози, мамаша, – рекомендует неизвестный тип, сжимая лапищами мои плечи.

НЕНАВИЖУ. НЕНАВИЖУ ЭТО СЛОВО!

САМ ОН «МАМАША»!

ПОШЕЛ ОН!

Он весь такой крутой. Плечи широкие, ноги длинные, запястья как два моих. Рукава рубашки закатаны, и я вижу крупные вены.

Какой-то, блин, хренов викинг!

Я ровно тридцать секунд пялюсь на него, потому что он нереальный.

Брюнет.

Густая стрижка, щетина, костюм дорогуший.

Глаза чернящие.

Карие.

Что тут вообще происходит? Высадка инопланетян?

Пахнет от него, лучше, чем от *меня*! Какой-то слюноотделительный парфюм.

А голос у него мурашечный.

Господи, откуда он *тут* взялся?

Тем не менее...

– Иди на х*р, – очень холодно советую этому чумовому явлению.

Я не контролирую себя, потому матерюсь. Так бывает, когда по нервам человека вдруг проходятся наждачной бумагой. Или когда человеку прищемило палец дверью маршрутки.

У меня именно такая ситуация.

Я надеюсь своей грубостью показать, насколько он лишний в нашей с сыном семейной драме.

Но эффект совершенно обратный.

Он смотрит так, будто хочет стукнуть меня головой о машину. Вздыхаю и надменно. Даже безглаголю!

Он что, никогда не слышал слова «х*р»? Или в его лакшери-мире женщины матерятся по-английски?

Если бы я находилась в другой ситуации, может быть, и скоужилась бы под этим взглядом.

Но не сегодня, здоровяк.

Я была на пороге самоубийства десять минут назад, так что меня всем этим грозным дерьмом не испугать!

– Ма-а-а-ам! – жалобно пищит Ванечка из салона.

Допрыгался? Вот пожинай плоды, сынок!

Тут еще один мужчина, значительно менее примечательный. Но он помалкивает и просто наблюдает, раскрыв рот, поэтому сбрасываю его со счетов. Возвращаю внимание тому, который ломает мои плечи.

Смотрим друг на друга, как Лю Канг и Саб-Зиро¹.

Решаю заканчивать и врубаю ему по голени ногой.

Я в школе занималась карате. Конечно, такого, как этот, я могла бы повалить только ударом по яйцам. Но решаю не заходить так далеко.

Викинг ревет и складывается пополам, хватаясь руками за ногу.

Да, удар коварный и крайне неприятный.

Завершаю комбинацию, слегка толкнув широкие плечи.

---

¹ Персонажи игры Mortal Kombat.

Мужчина мягко падает на землю, а я запрыгиваю на водительское сиденье и тут же сдаю назад, окатив его напоследок мокрой щебенкой.

Уезжаю, не оглядываясь. Кем бы он ни был, этот мужик начал первым. Он схватил меня! Я имела полное право защищаться!

Если подаст в суд, я предъявлю запись с видеорегистратора.

Настраиваю зеркало на заднее пассажирское сиденье. Смотрю на своего вероломного сына.

Сегодня он превзошел самого себя.

Назад еду осторожно, огибая каждую ямку. Не хочу, чтобы этого предателя растрясло. Он насупился и смотрит в окно.

Просто поразительно!

Никакого раскаяния!

Концентрируюсь на дороге.

Господи, я только что пережила главный стресс в жизни. Это даже не стресс, а леденящий ужас, замешанный на панике.

Чувствую, что меня отпускает и наступает «принятие». Руки колотятся, и сердце побаливает.

Когда подъезжаем к дому, я уже плачу.

Реву.

– В... выходи! – велю ему, доставая из бардачка салфетки. Кладу их в карман. Они мне понадобятся. Если не проре-

вусь сейчас как следует, через десять лет это может аукнуть-ся язвой желудка или какой-нибудь другой хренью.

Я о таком читала в журнале по психологии, который лежит у нас в туалете.

Ванечка отстегивается и с кряхтением открывает дверь. Но это его личный выбор. Мой сын вечно настаивает на том, что исключительно самостоятелен в свои пять лет.

Выхожу следом и помогаю ему спуститься. Идем в дом, как самая понурая команда на свете.

Оба – повесив головы.

Поднимаемся по деревянным ступенькам на узкое крыльцо.

Заходим в прихожую.

Коридор-тоннель из восьми ступеней, уходящий вверх, и еще одна дверь.

Да, это ведь целый квест.

Наконец-то мы внутри.

Наша собака Макарошка сразу бросается на Ванечку. Лижет его лицо. Это самая глупая собака на свете.

Ну, зато добрая.

Черный лабрадор ретривер. Мы купили ее щенком, как только поселились здесь. И в детстве морда у нее была куда серьезнее. За полгода Рошка превратилась в мини-лошадь, от топота которой дрожат стены.

Хватаю ее за ошейник и выпроваживаю на улицу. Погода отличная, пусть гуляет.

– Выйдешь из дома, я тебя отлуплю, – сообщаю сыну и плетусь в свою комнату на второй этаж.

Падаю поперек кровати прямо как была – в кроссовках и дождевике – и начинаю рыдать.

Как же он меня напугал...

Господи...

У моего сына кризис пятилетнего возраста.

Он очень привязан к отцу, и цель его жизни на данный момент – воссоединить нас. Андрей, мой бывший муж, живет в Москве.

А мы с Ванечкой в *регионе*.

В три годика у него обнаружилась астма. Утром сопли и чихания, потом сухой кашель, следом влажный, а дальше постоянные приступы. Я была в ужасе. Врач поставил диагноз и посоветовал сменить климат. В Москве моему малышу было совсем хреново.

В какой-то момент я решила, почему бы и правда не увезти его подальше?

На море.

На тот момент от школы нас отделяло два года.

Мы всегда сможем вернуться.

Что такое неделя на море? Вот два года, другое дело.

Так я рассуждала.

Но мой муж Москву оставлять не собирался. У него как раз поперло в плане работы. Мы, в принципе, с ним жили как кошка с собакой. Для меня расставание стало неким об-

легчением. Но Ванечку он любит, этого не отнять.

И сын его обожает, поэтому и треплет мне нервы.

Каждое утро спрашивает, когда папа приедет. Этот козел наобещал ребенку ему с три короба, а Ванечка уши развесил. Разумеется, он приезжать не собирается.

Да он мне в одном месте упирался!

Деньги перечисляет, и спасибо.

Я вообще не интересуюсь его жизнью.

Связь с ним – самый опрометчивый поступок в моей жизни. Сначала было все как в розовых пузырях.

Ровно год примерно.

Мы перебрались в Москву, он работал, я тоже. Потом забеременела, и начался этап жесточайшей «бытовухи».

Андрей и сам не знал, как объяснить свое истерическое поведение. Его просто ломало от необходимости проводить время дома с женой и ребенком.

Просто мы слишком рано поженились, и он ну совсем не нагулялся. Мне был двадцать один, а ему двадцать три.

Но из нас двоих совершенно точно старшей была я. Именно до меня дошло, что я теперь в ответе за маленького человечка, которого сама и породила. Андрей этого, кажется, до сих пор не понял, поэтому не следит за своим пустым ба-
заром!

В свете всех этих перипетий бывший муж меня ужасно раздражает. Я не принимаю его слова всерьез, не воспринимаю его как мужчину. Я так наелась «замужества», что, на-

верное, больше никогда не захочу замуж.

И вот здравствуйте.

Меня зовут Настя Голубева.

Возраст тридцать лет.

Работаю на московскую фирму переводчиком с английского. Моя специальность – экономика, но на последнем курсе института я пошла на курсы английского, и как-то закрутилось. Мое направление – экономический английский. Скука смертная. Звезд с неба я не хватаю. Проекты беру дозированно, у меня все-таки маленький ребенок. На жизнь в этой жопе мира нам с Ванечкой хватает, к тому же его незрелый отец помогает.

Спокойно жить, когда твоего ребенка так корежит, невозможно, поэтому я и решилась на переезд.

Временный.

Андрею спасибо – в этом он помог. В том, чтобы отправить нас куда подальше, он оказался заинтересован. С тех пор мы его больше во плоти не видели.

Цены на жилье здесь, если выражаться очень цензурно, европейские.

Наткнулась на этот дом.

Ввиду десятикилометровой удаленности от города аренда для нас с сыном приемлемая. Я, в принципе, на удаленке, мне все равно, откуда работать. Поселок у нас маленький, за продуктами ездим в город. Нам до нормальной асфальтовой дороги ровно четыре километра, зато вокруг воздух чистый

и заповедник рядом. Мы с Ванечкой там все уже излазили. Купаться ездили недалеко, на дикий пляж. Летом на море бывали почти каждый день.

Кайф.

Нам здесь хорошо, только скучно немного, но ничего, потерпим. У сына уже четыре месяца не было приступов. Если надо, мы еще здесь задержимся.

Я планирую отправить Ваню в детский садик на зиму. Поболтался дома, и хватит.

Если, конечно, найдем себе место. С садами на у нас очень туго.

Сегодня в гости приедет племянник и племянница. Никите пятнадцать, а Варе три с половиной. Вообще, они у меня все лето провели, и никто не спрашивал, каково мне одной с тремя детьми, двое из которых вчера из ползунков вылезли, а третий в переходном возрасте.

Говоря «никто», я имею в виду свою сестру.

Она сейчас строит очередные отношения, так что ей не до собственных детей. У Никиты осенние каникулы, поэтому она отправила их ко мне на неделю.

Дом старый, годов пятидесятых. Тогда фантазии и вкуса у людей было побольше, поэтому он очень своеобразный. Долго пустовал, но теперь здесь появились мы.

Стоит на холме. Частично на сваях. Поэтому нам приходится внутрь карабкаться. Первый этаж – это большая комната, так мы ее называем. Ее изюминка – огромное окно с

деревянной рамой и широким подоконником, которое смотрит на заповедник.

Вид такой, будто над пейзажем потрудился сам Господь Бог. Чтобы не испытать прилива умиротворения, глядя на него, нужно ну о-о-о-очень постараться.

На втором этаже три комнаты. Одна моя – самая большая и просторная. И две малюсенькие. В них даже окон нет, зато в моей имеется балкон, встроенный в стену гардероб и огромная двуспальная кровать.

По ночам бывает страшно, потому что дом весь скрипит и песни поет. Я уже привыкла. В первую ночь мы с Ванечкой до рассвета смотрели в потолок, прижавшись друг к другу, и ждали, что вот-вот из стенного шкафа явится Кентервильское привидение, гремя цепями и хохоча.

Слышу, как скрипят ступени под ногами сына. Он приоткрывает дверь и заглядывает в комнату.

– Мам... – зовет писклявый голосок.

– Да?.. – холодно отзываюсь я, глядя перед собой.

– Прости...

– Нет.

Я правда пока не готова к прощению.

Он поступил ужасно и должен страдать.

Проснулась утром, а его нет. Носилась по дому и улице. Кричала, звала его. Каких только ужасов не представляла...

Слышу тоскливый вздох и осторожное «топ-топ».

Забирается ко мне в кровать и ложится рядом, прижавшись к моему боку.

– Е-если... меня л-лишат род-д-дительских прав... б-будешь жить с отцом... – сквозь слезы пытаюсь донести до него маловероятные последствия сегодняшнего поступка.

– Не лишат... – пищит он.

Вот ведь засранец.

Поворачиваюсь и сжимаю его в объятьях. Плачу пуще прежнего.

Глава 3. Артем

Что это сейчас такое было?

Что это, твою мать, такое было, я спрашиваю?

Валяюсь на земле и смотрю в небо, резко утирая ладонью ударившую по носу каплю дождя.

Дождя как раз и не хватало, мать его!

– Артем Андреевич! – взволнованно басит Максим, нависая надо мной.

Отталкиваю его руку, когда пытается помочь мне подняться. Если бы она по яйцам вдарила, мне бы потребовалась помощь, а так мне консультация психолога нужна, и все.

Меня только что отлупила какая-то баба. Крошечная баба. Мой тренер по боксу уржался бы.

Встаю с земли и морщусь.

Ногу еще не отпустило, твою мать!

Как же больно!

Стискиваю зубы, чтобы не зарычать от бешенства и беспомощности.

Запускаю руки в волосы, вытряхивая из них пыль и глядя вслед удаляющейся белой «Ниве». Отряхиваю колени. Не гнаться же мне за этой невменяемой? Что с ней делать, если догоню? Удушить? Я ей с одного удара шею сверну.

Пусть катится на хрен.

Со стороны поселка к нам приближается серебристая

«Волга».

Слава богу!

А то я уж решил, что на меня все забили.

Судя по всему, это глава района. Кто ж еще будет кататься на старой «Волге»?

Мужика зовут Сан Саныч.

Пузо, лысина – все как положено.

Садимся по машинам и едем к месту строительства. Набираю Альбине и прошу найти мне нормальную машину, а не пятилетнюю «Камри».

Оказалось, мы свернули с трассы раньше необходимого, поэтому и попали в эту пердостань. Но по этой дороге к заповеднику тоже можно проехать, просто с другой стороны.

На минуту переключаю внимание, когда проезжаем мимо единственного дома в радиусе километра. Он весь оброс виноградом, архитектура в стиле дачи тридцатых годов. Не дом, а реликвия.

Возле деревянного покосившегося забора небрежно припаркована белая «Нива». Теперь для меня эта машина, как долбаная ведьмина ступа. Нога пульсирует в ответ на эти мысли.

Подходящий дом для этой овцы. Ее нужно держать подальше от людей. Не удивлюсь, если она еще и кусается.

На ступеньках крыльца, свесив язык, сидит черный лабрадор.

Они живут тут? На отшибе?

Интересно, если я сейчас заявлюсь для сатисфакции, что она станет делать? Заплюет меня ядом?

Я даже лица ее вспомнить не могу, только глазищи зелено-карие. Редкий цвет. Ну еще ноги помню загорелые.

Ладно, пусть живет.

Пока.

Дел как семечек.

До места строительства ползем пару километров. Скидываю Альбине дополнительные задания. Просто так, потому что ненавижу бездействовать. Она привыкла. Приоритеты сама расставит, а где надо, пошлет меня в задницу. Разумеется, не вслух.

Место – это большая долина, окруженная холмами с одной стороны и заповедником с другой. А между ними море с видом на бухту.

Отличный уголок.

Даю интервью на камеру и обозначаю свою позицию в этом конфликте. Разумеется, я на стороне народа, на стороне справедливости. Это поможет формированию моего идеального образа в массовом сознании.

На первых порах действуем так, а дальше посмотрим.

Общий посыл моей речи сводится к тому, что я обещаю во всем разобраться. На самом деле я ничего не обещаю. Это можно понять, прослушав мою речь несколько раз.

Существует такая наука – символическая логика, которая позволяет очистить человеческую речь от ненужного хлама.

Обнажить голую истину, выражаясь языком поэтов. Так вот, если применить ее к моей речи, станет ясно, что каких-либо осмысленных заверений и обещаний в ней ноль.

Это настолько популярный среди нашего истеблишмента прием, что народ принимает его как данность.

Перехожу к следующему пункту сегодняшней повестки – к экскурсии по заповеднику.

Делаю заинтересованное лицо, рассматривая туи, которые сажал сам Мичурин. В голове же моей происходит формирование плана на следующий день. Обычно его мне составляет Альбина, но сегодня я все сам.

Первым и единственным пока пунктом обозначаю необходимость отоспаться.

Сегодня я откровенно не в форме.

Против воли перед внутренним взором возникает маленькое злющее существо в желтом дождевике. Того и гляди в воздух взмоет красный воздушный шарик.

Изгоняю утренний эпизод из памяти, кладу его в корзину и тут же чищу ее.

Да, я так умею.

Глава 4. Настя

– Ванечка! – ору, натягивая кеды. – Давай быстрее!

Через час ребята прилетают, а мы еще даже не выехали. Нам до аэропорта полтора часа тащиться. Но я не слышу торопливых шагов на лестнице!

Вместо сына в коридоре появляется Рошка, клацая когтями по деревянному полу.

Как всегда, гиперсчастливая.

Не представляю, что мы будем делать, когда уедем отсюда. Брать ее с собой в квартиру? Это очень плохая идея.

– Ванечка!

– Иду!

Наконец-то он появляется. В руках планшет, на голове любимая шапка. Семенит к своим ботам, а я притопываю ногой, давая понять, что нервничаю.

– Хочешь, чтобы они нас ждали? – спрашиваю его, в надежде вызвать чувство вины.

Он поднимает на меня спокойные карие глаза и заявляет:

– Ты же знаешь, что не хочу.

Иногда я забываю, что мой ребенок – всего лишь ребенок.

– Откуда же мне знать? – хватая его куртку, спрашиваю я. – Судя по тому, как ты ковыряешься...

– Я уже готов.

Вздыхаю.

Придерживаю его за шиворот, пока спускается по ступенькам вниз. Просто они очень высокие для его коротких тощих ног. Мне кажется, тут комфортно перемещался бы лишь Филипп Киркоров. Даже мне тут некомфортно, а во мне метр шестьдесят. Особо гордиться нечем, но ведь маленькая женщина всегда щенок, и все такое.

Мой сын довольно щупленький. Надеюсь, вытянется со временем.

Отец у него не хоббит, даже наоборот. Видимо, вся энергия при формировании его эмбриона ушла в массу, а не в мозг.

– Ладно, ладно, – говорю своей совести.

Я уже несколько раз обещала себе, что буду стараться поменьше мысленно оскорблять Андрея. Но у меня на него слишком много обид. Когда Ванечка родился, мне пришлось полностью взять уход за ним на себя. У этого козла, моего мужа, я не могла допроситься элементарной помощи с купанием или посидеть с ребенком час, чтобы я могла передохнуть.

Не хочу думать об Андреешний раз. Слава богу, я от него избавилась.

Смотрю на небо.

Погода портится. Ветер все усиливается, кажется, даже молнии вдалеке сверкают.

В октябре?

Что за чертовщина?

Открываю для своего принца заднюю дверь и дожидаясь, когда он усядется в детское кресло. Сын пыхтит, потому что не любит, когда с ним обращаются так, как и положено. То есть как с маленьким ребенком.

Сажусь за руль и завожу машину.

Ненавижу эту дорогу. На нее как будто обрушился метеоритный дождь. Когда выбираемся на магистраль, с облегчением выдыхаю и врубаю радио.

Так-то лучше.

Мысли плавно возвращаются к событиям сегодняшнего утра.

Смотрю на сына. Он занят планшетом.

У нас был очень серьезный разговор.

Я заставила его поклясться своей честью в том, что он никогда такого больше не сделает. В обмен на обещание спросить у «папы», когда он приедет. Я, разумеется, понимаю, что никогда, но Ванечке это еще предстоит.

А Андрею предстоит понять, что просто так сын не будет любить его вечно.

Мне стыдно перед ребенком за то, что выбрала ему такого недостойного отца.

Ну и при чем тут ВИКИНГ?

С чего он вдруг вторгся в мой внутренний диалог?

Просто внешне он мужчина мечты. По крайней мере, мной.

Блин, он просто породистый арабский скакун. Я в жизни

таких статных и успешных мужиков не видела, а может, и не увижу.

И он явно не «мальчик». Думаю, ближе к тридцати пяти.

Вот от кого можно рожать просто в целях поддержания генофонда.

Он тут явно проездом. Наверное, из-за той стройки. Последний месяц туда мимо нашего дома постоянно кто-то катается.

Такие мужики, как правило, путаются с какими-нибудь моделями.

Пф... банальщина.

Это даже хорошо, что я заехала ему по ноге. Это ему за всех недооцененных женщин планеты. Кто-то должен был ответить перед ними.

Хихикаю.

Какая же помойка в моей голове. Мне тридцать или сколько?

В аэропорту мы оказываемся через два часа. Никита посылает мне угрюмый взгляд вместо приветствия. Знаю, ему как бы не хочется все каникулы проторчать в доме на краю мира. Но я запланировала для нас кое-какие развлечения. Ему будет что выложить в свой «Инстаграм».

– Привет, моя конфетка! – визжу, доставая из складной летней коляски Варю.

На ней джинсы и дутая жилетка. На макушке милейший хвостик-пальмочка. Мордашка моей девочки измазана шо-

коладом, и я смотрю на Никиту укоризненно.

Достаю влажные салфетки, пока он обменивается рукопожатием с Ванечкой.

– Ого-го! – воркую, целуя пухлые розовые щеки. – Кто-то подрос!

Никита берется за их чемодан, а Ванечка толкает вперед коляску.

Покидаем аэропорт.

Прежде чем тронуться, скидываю сестре сообщение: «С твоими детьми все хорошо. Конечно, если тебе это интересно».

Ола – ла: «Не нужно желчи. Я знаю, что они приземлились».

Нет, конечно, она не плохая мать. Ведь она ищет им отца, как ни крути. Вообще, у Вари и Никиты отцы разные. Возможно, у них еще появится братик или сестричка. Оле всего-то тридцать пять. С нее станется.

Заезжаем в супермаркет и запасаемся продуктами на несколько дней, только после этого уезжаем.

На подступах к курортному городу льет такой дождь, что я дороги не разбираю. Слава богу, что я ехала очень медленно, а то мы бы точно слетели с трассы, когда шина на заднем колесе лопнула. Машина вильнула в сторону, но я смогла ее выровнять и плавно срулить на обочину.

Остановив «Ниву», хватаюсь за сердце, будто пережила инфаркт.

Я была в шаге от потери управления!

Потери управления машиной, под завязку набитой детьми!

– Охренеть! – резюмирует Никита, вместив все мои мысли в одно слово.

Смотрю назад. У Ванечки никакой реакции на случившееся, а у Вари и подавно. Она жует бублик, хлопая глазами.

Синхронно отстегиваем ремни и выходим с племянником под дождь.

Он натягивает на голову куртку, а я желтый капюшон.

Уже темнеет. Положение у нас хуже некуда.

Прижавшись друг к другу, в шоке смотрим на заднее левое колесо. Шина прямо-таки стелется по земле.

Что могло пробить это колесище?

По нам что, стреляли?!

– У тебя запаска есть? – кричит Никита сквозь шум дождя.

Запаска?

Я не смогу поменять колесо сама. Только если меня укусит радиоактивный паук. Никита тоже. У него руки как хвостинки.

Отстой!

Сглатываю и оглядываюсь.

Красиво.

Дорога в дымке – пустая.

Ни одной машины.

Я не знаю, куда звонить.

Это самый отстойный отстой за всю историю... отстоя.

Глава 5. Артем

Когда покидаю центральную усадьбу заповедника, льет нереальный дождь. До машины приходится идти семь минут, но мне любезно предоставили зонт.

Уже совсем не жарко. Я бы сказал, зябко.

Но место красивое. Все тут пропитано собственной историей. Я бы побродил, если бы не дождь и не моя неприязнь к праздным неторопливым прогулкам.

Я предпочитаю бег. Или лупить боксерскую грушу. То есть то, что поднимет пульс и заставит хорошенько попотеть. Это прекрасный способ разгрузить мозг. С недавних пор мне это даже во время секса трудно дается.

Кажется, я действительно на пределе.

Запрыгиваю на пассажирское сиденье «Тойоты» и вытягиваю перед собой ноги, после чего захожу в почту. Удивительно, но тут везде неплохо пашет интернет. Альбина прислала адрес моей гостиницы. Называю его Максиму, и мы трогаемся.

Мысленно подвожу итоги встречи, откидываясь на сиденье. Смотрю на проносящиеся мимо пейзажи, залитые дождем.

Здесь я буду жить ближайшие пять лет.

Никаких терзаний по этому поводу у меня нет.

Решение уже принято.

Через пару недель сюда придет моя мать. Она недавно поборола онкологию, и врач рекомендовал сменить климат на горно-морской. Я, правда, не в состоянии постичь, каким образом совместить пользу горно-морского климата и вред ультрафиолета, которого тут в избыток.

Думаю, будет лучше, если мы станем жить вместе. По крайней мере, пока я не удостоверюсь в том, что она ассимилировалась. Нужно подыскать дом и все, что нам с ней понадобится.

Я с семнадцати лет не живу с родителями. Как только переехал в общагу универа, так больше и не вернулся. Ну, зато в тридцать шесть жить с мамой – самое то.

В своей жизни я всегда стараюсь подстроить обстоятельства под себя. И этот случай не исключение. Все будет по моим правилам, я так привык. Мне для комфорта нужно три вещи: приложение ума, частная неприкосновенность и спорт.

Думаю, все это мне здесь доступно.

На часах уже почти восемь вечера.

Чувствую усталость. Она скопилась в голове, будто в нее закачали литр лишней воды. Давит и раздражает.

Твою мать, это молния, что ли?

Невольно подаюсь к окну и смотрю на небо, потирая плечо. Повредил на последней тренировке. У меня синяк в полтела. Тренер свел меня с каким-то дагестанским психом. Я думал, он мне ребра сломал, но нет, обошлось.

Разминаю шею, хрустя позвонками.

Раздается оглушительный «бам», и я понимаю, что мне не показалось. Это реально была молния.

Серьезно?

Гроза в октябре?

Недоверчиво качаю головой и принимаю вызов на телефоне.

– Да?

– Как дела? – мурлычет Аня.

Для нее совершенно нормально вынести мужику мозг, а потом пойти спокойно убираться в шкафу. Почему я ей это позволяю? Потому что как бы там ни было я к ней привык. Она сладкая девочка, любящая жизнь и секс. Ориентируясь на свою личную шкалу, за секс ставлю ей девять баллов из десяти. Десятку не могу дать никому, потому что нет предела совершенству.

– У тебя что-то срочное? – спрашиваю, постукивая пальцами по колену.

Не люблю словоблудничать. И она об этом знает.

– Как я только тебя терплю, Иноземцев! – вздыхает Аня. – Хочешь, приеду?

Если бы хотел, она бы уже была здесь. Об этом она тоже знает.

– Нет необходимости, – рассеянно говорю, теряя нить разговора.

– Не будь таким букой...

Но я уже ее не слушаю.

– Максим, ну-ка тормозни! – велю водителю, поворачивая голову вслед убегающей картинке, но он и сам успевает сориентироваться.

– Мне пора, – говорю в трубку и кладу ее.

Я не джентльмен. Об этом Аня тоже знает.

Просто долбаная фантастика!

Смотрю в боковое зеркало, чтобы увидеть, как к машине, рассекая потоки дождя, приближается фигура в желтом дождевике. На обочине, мигая аварийкой, стоит белая «Нива».

Максим опускает стекло, и я с нетерпением жду, что же будет дальше.

Девушка подбегает к водительской двери и заглядывает к нам, придерживая край желтого капюшона. Она уже открывает рот, чтобы озвучить проблему, но видит меня и захлопывает его.

Сверлим друг друга взглядами.

Ага, это я.

Можем хоть до ночи так стоять. Это не я мокну под дождем.

Присматриваюсь к настороженному лицу, надеясь в этот раз хорошенько его запомнить, и вешаю на картинку табличку «особо, твою мать, опасно».

Моему взору предстают густые черные брови, чуть вздернутый маленький нос и полные розовые губы. Нижняя значительно пухлее верхней.

Ну и зеленые глазищи в догонку.

Сейчас они кажутся карими, но я знаю, что они зеленые. Она сверкала ими сегодня утром, как мясницкими ножами. Она и сейчас сверкает, но меня такой сопливой хер*ей не проняться.

Я эту ведьму на завтрак сожру и не подавлюсь.

Главное, не травануться.

– Вам помочь? – спрашивает Максим.

Вопросительно вскидываю брови и жду ответа.

Смотрит то на Максима, то на меня.

Если откажется от нашей помощи, тут же поедет дальше. Без вопросов. Возня с какой-то деревенской дурой не стоит часов моего короткого сна.

Очевидно же, что тут какая-то засада. Я уже понял, что эта баба – ходячее несчастье. Лучше бы вообще с ней не связываться и не портить карму.

Судя по тому, что за последние двадцать минут я не видел ни одной встречной машины, она будет ночевать на этом шоссе со своим гонором в обнимку.

Меня это вполне устраивает.

Возвращаю внимание своему телефону и начинаю проверять почту, косясь на недобитую горгулью, которая корчится в муках внутренней борьбы.

В конечном итоге здравый смысл побеждает.

– У нас колесо пробило! – кричит она. – Вы не могли бы подбросить нас до дома?

– Может, просто поменяем колесо? – бросаю ей, продол-

жая смотреть в телефон.

– У нас нет запаски, гений, – шипит она, чем выводит меня из себя.

Меня вообще вывести из себя довольно просто. Я не терплю в людях тупости, наглости и брехливости, а эта телка как минимум наглая.

Вскидываю на нее глаза и спрашиваю:

– А мозг у вас есть? Или вы без него родились? Кто ездит на машине без запаски?

Она ощетинивается и рычит:

– Мой мозг не ваша забота, понятно? Я спросила, отвезете вы нас или нет. Если нет, то до свидания!

Черта с два мы ее куда-то повезем.

Встречаю упрямый взгляд и вкрадчиво отвечаю:

– Слушайте, дамочка, я могу вас отвезти в ближайшую поликлинику, чтобы вам сделали укол от бешенства. Если вас это не устраивает, катитесь-ка отсюда.

Мое предложение сопровождается оглушительный раскат грома, но ни я, ни она даже не вздрагиваем.

– Поехали, – велю Максиму.

Он смотрит на меня, как нерешительный птенец, за что мне хочется отвесить ему подзатыльник.

– До свидания, – мямлит, поднимая стекло и трогаясь.

Взглянув в боковое зеркало, вижу сверкающие в сумерках белые кеды, которые несутся к «Ниве».

Снимаю блокировку на телефоне и пишу Альбине: «Нуж-

но подогнать дэпээсную машину и эвакуатор на шоссе. Координаты скину следом. Сделай это прямо сейчас».

Моя помощница не имеет привычки отвечать, если я не задаю прямого вопроса, поэтому не жду обратной связи. Я бы не хотел, чтобы она ненавидела меня или считала мудо-звоном. И для этого прилагаю кое-какие усилия. Например, всегда отправляю ей букет цветов и подарок на день рождения. Это помимо других привилегий в виде зарплаты и личного автомобиля. Я не могу поручить ей выбрать подарок самой себе, поэтому делаю это сам. А ведь я даже Аняте сам презентов не выбираю. Альбина ценит это, раз до сих пор не уволилась. По крайней мере, я хочу в это верить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.